

Александр Гарцев



Лавина перемен

Александр Гарцев

Лавина перемен

«Автор»

2026

Гарцев А.

Лавина перемен / А. Гарцев — «Автор», 2026

Август 1988 года. Уральский провинциальный город N, задыхающийся в дыму металлургического комбината, в очередях за дефицитом и в липком страхе перед завтрашним днём. Сюда, по распределению, приезжает молодой инженер Александр Власов — горячий, принципиальный, не умеющий молчать. Он мечтает строить новую жизнь, но натывается на старую систему: воровство на заводе, пустые полки в магазинах и равнодушные лица тех, кто привык выживать, а не жить. "Лавина перемен" — это роман о том, как честность становится оружием, а власть — клеткой. Это история человека, который хотел изменить мир, но изменился сам. Серые панельные пятиэтажки, запах угольной пыли, очереди за сахаром, тайные «подснежники» и большие надежды — здесь каждый шаг пахнет эпохой, а каждое решение стоит не просто карьеры, а совести. Когда лавина сходит, ты либо становишься её частью, либо оказываешься погребённым под ней. Александр Власов выбрал первое. Но есть ли путь назад?

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Распределение	5
Глава 2. Скандал по расписанию	9
Глава 3. Директор смотрит в оба	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Гарцев

Лавина перемен

Глава 1. Распределение

Поезд полз на восток сквозь предрассветный туман, как уставший зверь, которому давно пора на убой. За окном плацкартного вагона мелькали сосны, сменяясь редкими болотами, и с каждым километром воздух в купе становился всё плотнее, тяжелее, будто само небо давило на крышу.

Александр сидел у окна, подперев щетинистый подбородок кулаком. Чемодан под нижней полкой был перевязан бельевой веревкой, чтобы не развалился, а сверху лежала стопка книг — Мельников-Печерский и подшивка «Техники — молодежи». Он смотрел на проплывающие столбы, но не видел их. Перед глазами стояла схема прокатного стана, которую он вызубрил в Пермском политехе, и мысль, что вот сейчас, через несколько часов, эта схема превратится в жизнь.

— Саш, ты бы поел, — Елена развернула на коленях газету с завёрнутым куском вареной колбасы. — До вечера еще неизвестно, как там с едой будет.

— Не хочу, — отозвался он, не оборачиваясь. — Лен, ты только посмотри на это небо. Оно как свинец.

Лена вздохнула, аккуратно отломил кусочек хлеба и положила обратно. Ей было двадцать шесть, и она уже научилась распознавать это состояние мужа — когда он не просто молчал, а собирал внутри себя тихую, тупую ярость, которую даже она не могла разрядить лаской. Она не знала, что именно он увидит за окном, но знала точно: Саша никогда не проходит мимо неправды, как нож не проходит мимо масла.

Вокзал райцентра N встретил их гарью. Даже на перроне, ещё до того, как ступеньки вагона коснулись асфальта, в нос ударил кислый запах окалины, смешанный с дымом от сжигания древесных листьев. Кто-то на окраине жег мусор, и серый, жирный дым стелился по земле, обволакивая встречающих и приехавших одним липким коконом.

— Ну и духота, — выдохнул Александр, спрыгивая на перрон. Он подал руку Елене, и та, придерживая цветастую кофту, ступила вслед за ним. В руках у нее был бидончик с молоком, который она везла, чтобы скисся — «на первый раз хоть простокваша будет», — и узел с постельным бельём.

На площади перед вокзалом стоял автобус ПАЗ, весь в рыжих пятнах от выхлопа. Очередь к ларьку «Союзпечать» вытянулась в двадцать человек: мужики в кирзовых сапогах, женщины в платках, зажатых под подбородком, — все стояли молча, будто уже давно разучились говорить друг с другом. На прилавке мелькали пачки сигарет «Прима» и стопки газет. Александр увидел заголовок «Правды»: «Перестройка — это всенародное дело». И тут же, рядом, мужичок в телогрейке пересчитывал мелочь на пачку махорки.

— Всё, как в сводках, — тихо сказал Александр, глядя на очередь. — Только в сводках пишут, что дефицит побеждён.

— Саш, прекрати, — Лена тронула его за рукав. — Мы приехали. Давай не будем с порога. Здесь люди живут.

«Именно это меня и пугает», — подумал Александр, но промолчал. Он взял чемодан и пошёл искать автобус до общежития, которое выделил завод.

Общежитие стояло на отшибе, за металлическим забором с колючей проволокой. Пятиэтажка из серого силикатного кирпича, облупленная, с выбитыми стёклами в подъезде. Внутри пахло кислыми щами, табаком и сыростью. Комнатка на четвертом этаже была крохотная:

железная кровать с панцирной сеткой, тумбочка, стол, застеленный клеёнкой, и выдавший виды холодильник «Минск» с облупившейся эмалью.

— Ну, вот и дом, — сказал Александр, ставя чемодан в угол. — Зато своя площадь.

— Зато своя, — эхом отозвалась Лена, и в голосе её зазвенела сталь, которую он так любил и так боялся. Она не заплакала. Она сняла платок, поправила волосы и открыла окно. С улицы ворвался тот же запах гари, но она не поморщилась. — Я сейчас сбегая в отдел кадров, узнаю про талон на мыло. А ты собирайся на первый день. Нельзя опаздывать.

Александр кивнул. Он натянул чистую рубашку, завязал галстук — единственный, серый, в полоску, — и вышел в коридор. В бетонном мешке коридора горела тусклая лампочка без абажура, и на стене висел листок с расписанием отключения горячей воды. Сентябрь. Снова сентябрь.

Главный проходной пункт металлургического комбината больше походил на КПП воинской части, чем на проходную. Монументальное здание из красного кирпича, часовой в форме, но без оружия, и турникет, на котором висела табличка: «*Проход по пропускам строго обязателен*». Александр предъявил временное удостоверение, и охранник, не глядя, махнул рукой.

За проходной открылся иной мир. Здесь не было жилого шума. Здесь была тишина, которая складывалась из десятков механизмов: глухой удар молота, вой трансформатора, шипение пара из трубы, опоясывающей цех. В цехе ОПП (отдела подготовки производства), куда его определили, было душно до звона в ушах. Мостовые краны ползали под потолком, как доисторические ящеры, а внизу, в ореоле искр, сновали люди в брезентовых робах и касках.

Начальник отдела, грузный мужик с фамилией Бородин, встретил Александра скептическим взглядом.

— Власов? Пермский политех? — переспросил он, сверяясь с бумагой. — Комсорг, значит. Ну, комсорги нам тут не нужны, Власов. Нам нужны инженеры, которые умеют считать сортамент и не задают лишних вопросов. Свободен до обеда. Познакомься с цехом. А вечером будет планерка.

Александр надел каску, которую ему выдали с дыркой в затылке, и вышел в пролёт.

Здесь, в мартеновском цеху, стоял запах, который он запомнил навсегда. Смесь угольной пыли, окалины и едкого ацетилена. Он пошёл вдоль траншей, перекинутых через кабельные тоннели, рассматривая оборудование. Всё было старое, немецкое, ещё довоенной постройки, но переваренное, переделанное, скирдованное. И тут он увидел.

В тупике, за штабелем ржавого лома, стоял старик. Настоящий старик с седой, небритой щетиной в неделю, в засаленной робе и рваных рукавицах. Он сидел на корточках и тупой отбивал окалину с крупного листа стали. Рядом стояли электронные весы, на которых лежала стопка таких же листов. Старик отбил окалину, взвесил лист, затем взял мел, старательно написал на нём «Брак. Неликвид» и отложил в другую кучу.

Александр подошёл ближе. Его глаз, натренированный в институтских лабораториях, мгновенно схватил разницу. Лист был зеркально гладким, без видимых раковин или трещин.

— Дедушка, — окликнул Александр.

Старик поднял голову. Глаза у него были мутные, но цепкие — сразу ушли в лицо Александра, оценили возраст, манеру стоять.

— Чего шумишь, барин? — голос скрипучий, как несмазанная дверь.

— Это же качественный металл, — сказал Александр, приседая рядом. — Зачем вы его в брак?

Старик усмехнулся, показав жёлтые зубы, и сплюнул на землю.

— А ты, видать, из новых. Из *этих*, — он кивнул в сторону административного корпуса. — Распределение, да? Очкарик.

— Я не очкарик. Я инженер.

— Инженер... — старик оглянулся по сторонам. В цеху было шумно, но их тупик находился за колонной, и никто не слышал. — Инженер, а не видишь, что там риски накатаны? Мастера план не выполняют. Им нужно отчитаться за тоннаж. Они гонят сырьё, а качество не канает. Вместо того чтобы переделать — его в утиль. А мы, значит, на балансе вывозим.

— Но это хищение! — вырвалось у Александра.

Старик медленно встал, хрустнув коленями. Он оказался выше Александра на голову и шире в плечах, несмотря на возраст.

— Слушай сюда, парнишка, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Меня зовут Кузьмич. Василий Кузьмич. Я тут с тридцать восьмого года горбачу, ещё при НКВД. Ты сейчас пойдёшь в отдел, начнёшь писать докладные, а тебя из этого цеха выведут под белы ручки. Или просто в медсанчасть отправят «с нервным срывом». Запомни: здесь не металл плавят, здесь судьбы плавят. Хочешь здесь жить — научись видеть, но молчать.

— Не могу, — выдохнул Александр. И в этом коротком «не могу» была вся его суть. Принцип. Горячая кровь, которую не остудили ни годы в общаге, ни напутствие в кавычках Бородин.

Кузьмич вздохнул, тяжело, на всю грудь. Он снова присел, взял мел и, наперекор надписи «Брак», написал на листе снизу маленькую, малозаметную букву «Г». «Г» — как «годный», как «главный», как «Горбачёв», может быть.

— Иди, Власов. Иди, студент. Вечером планерка. Там и покажешь себя. Только учти: слова — это ветер. А у нас, на Урале, ветер зимой выдувает глаза. Готовься.

Александр пошёл обратно по траншее, сжимая кулаки. Позади него, в тупике, Кузьмич снова заскреб тяпкой по железному листу. Этот звук — скрежет стали о сталь — врезался в память. В ушах звенело: «Здесь не металл плавят, здесь судьбы плавят».

Вечером в кабинете Бородин, где собирался технический совет, пахло кислым от окурков и дешёвым одеколоном. Мастера сидели с отсутствующими лицами. Бородин листал бумаги.

— Ну, что там у нас с планом, Михалыч? — спросил он у старшего мастера.

— Выполняем. На утиль списали двенадцать процентов, как по норме.

Александр сидел в углу. Он смотрел на спокойное лицо Бородин, на сытую морду мастера и вспоминал, как на том зеркальном листе, который старик Кузьмич положил в грудку брака, блеснула его собственная, заляпанная грязью, но абсолютно четкая тень. Он встал.

— Товарищ Бородин, — сказал Александр. Голос дрогнул, но он взял себя в руки. — Я сегодня был в цехе. В пролете номер четыре.

— Власов, что ты хочешь? — Бородин поднял брови. — Поздно уже, мы не на комсомольском собрании.

— Я хочу сказать, что металл, который списывают там, не брак. Я видел листы. Они идут по ГОСТу. Это фальсификация отчётности, чтобы скрыть недостачу сырья, которое, возможно, уходит налево.

В кабинете повисла та самая гробовая тишина, о которой он слышал ещё в институте от бывалых производственников. Мастера переглянулись. Бородин медленно, очень медленно положил папку на стол.

— Ты, Власов, — сказал он, чеканя каждое слово, — первый день на заводе. Ты даже не знаешь, с какой стороны подходят к печи. Ты не видел ни одного акта приёмочного контроля. И ты позволяешь себе...

— Я позволяю себе не молчать, — перебил Александр. В груди колотилось, но он уже не мог остановиться. — Я буду писать докладную. Директору, если надо.

— Директору? — Бородин усмехнулся, но в усмешке этой не было веселья. — Ну-ну. Пиши. Только помни, Власов: у нас тут «гласность». Можешь написать куда угодно. Даже в

«Огонёк». Но чтобы жить в этом городе, нужно уметь дышать. А ты сейчас перекрыл себе кислород.

Александр вышел из кабинета. За дверью, в коридоре, он упёрся лбом в холодную бетонную стену. Он слышал, как за спиной начался гул голосов, как Бородин прорычал матерное слово. А перед глазами всё стояла маленькая, малозаметная буква «Г», которую мелом вывел Кузьмич на том обречённом листе. «Г» — как надежда. Или как предупреждение.

Он пошёл к выходу, в ночь. За проходной уже не было автобусов, и он побрёл пешком через город, в котором горел кокс, дымили трубы и где его встретили не хлебом, а тоской.

Он знал, что завтра начнётся война. Он даже знал, с кем. И у него не было оружия, кроме этой дурацкой честности, которая и горела в нём ярче, чем доменные печи комбината.

Глава 2. Скандал по расписанию

Они не дали ему уснуть.

Всю ночь в коридоре общежития хлопала дверь, кто-то орал песню про "Славное море — священный Байкал", а под окнами, прямо в луже, заведённо рычал грузовик, разгружая уголь для котельной. Александр лежал на панцирной сетке, глядя в потолок, где расплзалось сырое пятно в форме Камчатки, и прокручивал в голове сцену планерки.

Он сказал. Теперь назад дороги нет.

Елена, свернувшись калачиком на узкой кушетке, дышала глубоко и ровно — она умела отключаться от шума, как отключают рубильник. Но когда первый луч августовского солнца пробился сквозь грязное стекло, она открыла глаза и сразу же, без всякой утренней неги, спросила:

— Ты писал эту докладную?

— Писал, — ответил Александр, сидя за столом с остывшим чаем. — Всю ночь. Три экземпляра: начальнику ОТК, директору и в партком.

Лена села на кровати, поджав ноги. Она не плакала, но её лицо стало тем особенным, твёрдым, каким бывает у женщин, которые знают: муж сделал глупость, и теперь эту глупость надо расхлёбывать ей.

— Саш, — сказала она негромко, — ты обещал мне, что хотя бы год поработаешь тихо. Год. Мы даже прописку ещё не получили, а ты уже...

— А что мне было делать? — он повернулся к ней, и в его глазах полыхнул тот самый огонь, который так напугал её ещё на первом курсе, когда он вступился за старосту-инвалида перед комсомольским вожаком. — Ты видела этот лист? Если бы я смолчал, я бы себя уважать перестал. Они же не просто план не выполняют, они деньги воруют! Государственные!

— Государственные... — Лена вздохнула и потянулась к бидончику с молоком. — Саш, государство — это мы. Ты думаешь, там, в Москве, кто-то про этот лист узнает? Я тебя умоляю. Напиши эту бумагу, но не отдавай. Полежит у тебя в столе. Если что — будет как страховка.

Он мотнул головой, и она замолчала. Знала: если уж он решил, то отговорить нельзя. Можно только быть рядом, когда начнётся шум.

В цехе его встретили как прокажённого. Рабочие, которые вчера кивали ему с порога, теперь отворачивались. Один парень в промасленной спецовке, когда Александр проходил мимо, тихо сказал: "Ну ты и козёл, инженер". Но без злобы — скорее, с обречённостью.

Кузьмич стоял у своей тяпки, как всегда. Увидев Александра, он подошёл, придерживая каску рукой.

— Докладную настрочил?

— Настрочил.

— Отдал?

— Нет ещё. Сейчас в отдел кадров, на подпись.

Кузьмич оглянулся по сторонам, убедился, что рядом никого, и вынул из кармана замусоленный кисет. Набил самокрутку, затянулся дымом — резким, вонючим, дешёвым.

— Значит, так, паря. Запомни главное: докладная — это бомба с часовым механизмом. Пока она у тебя в кармане — ты сильный. Как только ты её отдашь, ты слабый. Потому что все будут знать: ты подписан. Ты уже не свободен. Ты — заноза. А занозы из тела вынимают пинцетом. Пинцет у них — это отдел кадров.

— Я не боюсь, — сказал Александр, хотя внутри всё сжималось.

— Дурак, — беззлобно сказал Кузьмич и сплюнул. — Бояться надо. Страх — это топливо. Без страха ты просто самоубийца. Сделай, как я говорю: сначала отнеси начальнику ОТК.

Но не отдавай на руки, а покажи. Пусть он прочтает, и скажи: "Я могу отнести директору, но хочу разобраться без шума". Если он умный — он поймёт.

Александр кивнул. Но душа его требовала не компромиссов, а чистоты. Он пошёл не к начальнику ОТК, а сразу в партком — к председателю цеховой парторганизации, пожилому, лысому мужику по фамилии Шаповалов. Тот взглянул на докладную, нахмурился и сказал:

— Власов, ты с ума сошёл? У нас тут перестройка, гласность, мы сами критикуем недостатки. Но ты же не конструктив предлагаешь, ты людей под удар ставишь. Мастер Михалыч — фронтовик, орден Красной Звезды имеет. Ты что, хочешь его за решётку?

— Я хочу, чтобы воровали меньше, — ответил Александр.

— Воруют везде. Ты не у себя в институте, ты в жизни. Иди, подумай. Заберу докладную — значит, я её рассмотрю. Через месяц. А пока — работай.

Александр вышел от Шаповалова, сжимая папку. Он понял: партком не помощник, а ширма. Тогда он направился прямо в приёмную директора.

Но директора на месте не было. Секретарша, молодая женщина с ярко-рыжими волосами, стрельнула в него глазами:

— Виктор Ильич на совещании в обкоме. Вернётся через три дня. Оставьте документы, я передам.

— Нет, — сказал Александр. — Я лично ему вручу.

Он развернулся и ушёл. Докладная, как камень, лежала во внутреннем кармане пиджака. И он чувствовал её тяжесть каждой минутой.

Три дня пролетели в гнетущей тишине. Александр ходил в цех, делал вид, что изучает чертежи, но его сторонились даже уборщицы. Елена каждый вечер встречала его с одним и тем же вопросом: "Отдал?" — и он отвечал: "Нет. Жду директора".

Но директор не возвращался. А вечером третьего дня в их комнату постучали. На пороге стоял Бородин — начальник отдела — и двое мужчин в штатском, с непроницаемыми лицами.

— Власов, — сказал Бородин, не входя. — У тебя есть неоформленный документ, который касается деятельности цеха. Просьба сдать его немедленно.

— Это докладная о хищениях, — сказал Александр, хотя сердце бухало так сильно, что он боялся, что его голос сорвётся. — Она адресована директору.

— Директор поручил мне урегулировать вопрос, — Бородин шагнул в комнату. — Ты, Власов, мальчишка зелёный, не понимаешь технологического процесса. Тот лист, что ты счёл годным, на самом деле имел внутреннюю трещину. Её невооружённым глазом не видно. Поэтому его списали. Всё законно.

— Вы врётё, — сказал Александр, и Лена рядом с ним побледнела. — Я проверил ультразвуковым дефектоскопом. Я умею им пользоваться. Там нет трещин.

Бородин побагровел. Он шагнул ещё ближе, и в воздухе запахло перегаром.

— Слушай сюда, умник. В этом городе завод — единственный работодатель. Ты хочешь здесь жить? Хочешь получить эту конуру и прописку? Тогда вынь из кармана эту писанину, отдай её мне, и мы забудем. Ты будешь делать вид, что работаешь. Я буду делать вид, что тебя ценю. Иначе — увольнение. По статье "за систематическое нарушение трудовой дисциплины". И на биржу тебя никто не поставит. Пойдёшь по этапу в безработицу, а она, сам знаешь, только начинается.

Александр глянул на Лену. Она стояла, прижав руки к груди, и в глазах её стояли слёзы. Она молчала, но он прочитал этот взгляд: "Отдай, Саша. Отдай, ради бога. Мы умрём здесь с голоду".

Он медленно вытащил из кармана папку. Рука не дрогнула. Но внутри — внутри всё горело огнём. Он протянул папку Бородину.

Тот ухмыльнулся, взял, хотел уже развернуться, но в этот момент Александр сказал:

— Товарищ Бородин. Я отдаю вам этот экземпляр. Но у меня остались копии. Одна — у Шаповалова, вторая — в моём надёжном месте. Если со мной или с моей женой что-то случится, они уйдут в "Литературную газету" и в прокуратуру. Это не угроза. Это страховка. Доброй ночи.

Он закрыл дверь перед ошарашенным лицом Бородина. И прислонился спиной к косяку. Лена стояла за его спиной и молчала. А потом тихо, очень тихо сказала:

— Ты — дурак. Но я тебя люблю. Но если мы останемся без жилья — я уеду к маме в Пермь.

— Не уедёшь, — ответил он, обернувшись. — Я обещаю: мы будем жить в этом городе. И мы будем жить честно.

На следующее утро весь завод гудел. Слух разлетелся с быстротой лесного пожара: новый инженер бросил вызов руководству, отдал докладную, но оставил копии. В столовой рабочие перешёптывались: "Этот Власов — фраер, но с яйцами". Мастера ходили мрачные. Бородин не появлялся — заперся в кабинете.

А в обеденный перерыв, когда Александр сидел в углу столовой с тарелкой пустого супа, к нему подошёл рослый парень в чистой рубашке, с удостоверением заводской газеты на шнурке.

— Александр Власов? — спросил он. — Я корреспондент "Металлурга" — заводской многотиражки. Можно пару вопросов о вашей принципиальной позиции?

Александр поднял глаза. Он не знал, что этот парень — просто курьер, что его послал кто-то из аппарата, чтобы проверить, как герой ведёт себя на публике. Но он ответил. Он ответил громко, на всю столовую:

— Давай. Я скажу, что воруют здесь все, от мастера до начальника ОТК. И что перестройка — это не про то, как переименовывать должности, а про то, как перестать врать. Если я за это пойду под суд — значит, я умру не зря.

Столовая замерла. Кто-то закашлялся. А из-за спины корреспондента вышел Кузьмич с кружкой компота и тихо сказал:

— Ну, мальчик, ты сейчас настроил всех против себя. Но знаешь, что я тебе скажу? Тот, кто боится смерти, никогда не будет жить. Ты — будешь.

И улыбнулся беззубым ртом.

Александр допил свой суп. Он знал: вечером будет ещё одно собрание. Открытое, цеховое. Где ему дадут слово. И он скажет всё, что думает, уже не в кабинете, а перед сотнями лиц. И плевать, что потом.

Собрание было назначено на восемнадцать ноль-ноль. Александр пришёл за пятнадцать минут. Зал актового зала был набит битком: рабочие, мастера, инженеры, даже женщины из бухгалтерии. В президиуме сидел Бородин, бледный, с красными глазами, и директор — тот самый Савченко, которого он три дня не мог застать. Савченко смотрел в зал спокойно, но в глазах его читалась сталь.

Александр вышел к трибуне. Зал затих.

— Товарищи, — начал он, и голос его, поначалу тихий, окреп. — Я приехал сюда по распределению, чтобы строить новую жизнь. А увидел старое воровство. На моих глазах списывают качественный металл, прячут брак. Я написал докладную. Меня пытались запугать. Но я не боюсь. Я требую ревизии и справедливости. Мы все должны понять: если мы будем молчать — страна развалится!

В зале пронесся гул. Кто-то зааплодировал — несколько молодых рабочих в дальнем углу. Но большинство молчало, опустив глаза.

Тогда поднялся Савченко. Он не стал кричать. Он просто подошёл к микрофону и спросил у зала:

— Кто из вас, товарищи, считает, что этот молодой инженер прав?

Молчание. Тяжёлое, как болванка. А потом встал Кузьмич — седой, сгорбленный, в своей вечной засаленной робе. И сказал:

— Я считаю. Прав. Он. Мы уже настолько прогнили, что стыдно детям в глаза смотреть. Стыдно!

И тогда — как лавина — поднялись другие. Сначала трое, потом десять, потом ползала. Крики: "Проверить!" — "Бородина в шею!" — "Завод не для жуликов!".

Александр стоял у трибуны и видел, как лицо Савченко осталось каменным. Но глаза директора смотрели не на Бородина. Они смотрели на Александра. И в них мелькнуло что-то, похожее на интерес. На голодный, хищный интерес.

Когда шум стих, Савченко объявил:

— Завтра создаётся комиссия. Ревизия. А вы, товарищ Власов, зайдите ко мне завтра в девять утра. Есть разговор.

Александр понял, что он только что пересёк первый порог. И за этим порогом его ждал настоящий бой.

Когда он вышел из зала, Елена ждала его у входа — в своём единственном плаще, прикрываясь от ветра. Она не плакала. Она взяла его за руку и сказала:

— Саш, нас вызвали в отдел кадров. Нам дают квартиру. Комиссия встала на твою сторону. Ты выиграл.

Он сжал её ладонь. И почувствовал, как внутри, рядом с гордостью, прорастает холодок: эта победа была слишком быстрой. Слишком лёгкой. Будто кто-то наверху — этот Савченко — уже всё решил за него.

Но он улыбнулся. И пошёл в общежитие паковать чемоданы, впервые за эти дни чувствуя, что он — живой.

Глава 3. Директор смотрит в оба

Сентябрь 1988 года. Раннее утро. Над городом висит плотный, ватный туман, перемешанный с дымом коксовых печей. Солнце не пробивается — лишь бледное, молочное пятно на востоке, за спинами домен. В воздухе — сырость и металлическая горечь. Время, когда листья уже пожелтели, но ещё не опали, и они висят на ветках берёз тяжело, как мокрые тряпки. Дышится с трудом, будто в груди стоит свинцовая плита.

Александр шёл через город к проходной, и каждый шаг отдавался в висках. Спал он плохо — всю ночь ворочался на новой раскладушке в пустой квартире на улице Metallургов. Квартира была — двухкомнатная, в панельной пятиэтажке, с запахом плесени и старыми обоями в цветочек. От неё ещё не пахло домом, пахло казёнщиной. Но Лена уже с утра наводила порядок: оттирала плиту, вешала занавески из марли. Она молчала, но в её взгляде Александр читал одно: «Ты выиграл первый бой. Но не проиграй следующий».

На проходной его уже ждали. Не охранник — сам начальник отдела кадров, сутулый мужик с фамилией Гришин, который вчера ещё смотрел на Александра волком, а теперь, придерживая дверь, почтительно сказал:

— Проходите, Александр Сергеевич. Виктор Ильич ждёт.

«Сергеевич» — непривычно, масляно. За месяц в цеху его называли или «Власов», или «парень», или матерно. А тут — уважительно. Александр кивнул и пошёл в административный корпус.

Главная заводская контора стояла особняком, за чугунной оградой с острыми пиками. Это было старое здание — ещё довоенной постройки, из красного кирпича, с высокими арочными окнами и лепниной на фронтоне, которая облупилась и почернела от времени. Сейчас, в девятом часу утра, солнце сквозь туман не могло осветить фасад, и он казался тёмным, насупленным, как лицо старого партийца на портрете.

Внутри пахло мастикой, старыми бумагами и дешёвым одеколоном «Шипр». Лестница была мраморной, но мрамор истёрт до выбоин, а на перилах висела вековая пыль, которую никто не вытирал. Александр поднялся на третий этаж. Коридор был узким, с высокими дверями, на каждой — табличка с фамилией и должностью. Решётки на окнах, белые занавески, в углу — портрет Карла Маркса, чуть покосившийся.

Приёмная директора оказалась совсем крошечной. Секретарша — всё та же рыжая женщина — сидела за столом, покрытым зелёным сукном, и перебирала бумаги. Увидев Александра, она поднялась, поправила юбку и, чуть наклонив голову, сказала:

— Проходите. Виктор Ильич у себя.

Она открыла перед ним массивную дверь, обитую дерматином, и Александр шагнул внутрь.

Кабинет директора металлургического комбината оказался не тем парадным кабинетом, который он себе представлял. Никакого массивного стола с мраморной столешницей, ни золочёных гербов на стенах. Всё было строго, почти аскетично: большой письменный стол из тёмного дуба, заваленный папками; на стене — карта СССР, вся в красных точках и карандашных пометках; в углу — высокий шкаф с книгами, из которых торчали закладки из газетных полос. За окном — вид на заводские трубы, которые дымили в промозглое утро. И запах: табак, кофе, железо.

Савченко стоял у окна, спиной к Александру. Он был невысоким, но широкоплечим, с короткой, уже седой стрижкой. На нём был простой серый пиджак, недорогой, но сидел он на нём безупречно — как броня. Директор, не оборачиваясь, сказал:

— Закрой дверь, Власов. И садись.

Александр прикрыл за собой дверь и сел на стул перед столом. Стул был жёстким, деревянным, без обивки — его явно поставили специально, чтобы посетители не расслаблялись.

Савченко обернулся. Александр впервые увидел его лицо вблизи: глубокие морщины, тяжёлый подбородок, глаза — светло-серые, почти стальные, с той самой внимательной, пронизывающей искрой, которую он заметил вчера на собрании. Они смотрели не на лицо, а сквозь — в самую суть, в кости.

— Ну что, герой, — сказал Савченко, подходя к столу и садясь в кресло. Кресло скрипнуло под его весом. — Напугал ты моего начальника цеха. Напугал до колик. Бородин вчера пришёл ко мне с пачкой объяснительных и просил перевода на склад. Ты, я смотрю, талант.

— Я не талант, — ответил Александр, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я просто не умею молчать.

— Это видно, — усмехнулся Савченко, но в усмешке не было насмешки. Он придвинул к себе пачку папирос «Беломорканал», вынул одну, но закуривать не стал — покрутил в пальцах, как врач крутит скальпель. — А знаешь, что тут видно ещё? То, что ты первый за десять лет человек, который пришёл в мой кабинет не с просьбой, а с фактом. Не с талоном на квартиру и не с просьбой о повышении. С фактом воровства. Это дорогого стоит.

— Я не ради похвалы, Виктор Ильич, — Александр почувствовал, что называть директора на «ты» ещё рано, и сдержался. — Я ради дела. Я хочу, чтобы завод работал честно. Чтобы люди получали зарплату за труд, а не за приписки.

Савченко откинулся на спинку кресла, закурил наконец папиросу, выпустил струю дыма к потолку. Дым смешался с туманом за окном, и на миг Александру показалось, что директор растворился в этом дыму.

— Хочешь, чтобы завод работал честно, — повторил Савченко задумчиво. — Это хорошо. Это правильно. Но знаешь, в чём твоя беда, Власов? Ты считаешь, что можно прийти, ткнуть пальцем в гору грязи — и она исчезнет. А она не исчезнет. Потому что грязь — это не просто Бородин и его мастера. Это система. Их всех вырастило это время, этот план, этот партком. Ты один против всех. Скажи, тебя не пугает, что завтра ты можешь оказаться на улице?

— Пугает, — честно признался Александр. — Но я готов рискнуть.

— Рискнуть, — Савченко усмехнулся, но в этот раз в усмешке звучало что-то тёплое, почти отеческое. — А если я тебе скажу, что ты не один? Что есть человек, который может тебя прикрыть. Но при одном условии: ты будешь делать то, что я скажу. Не как комсомольский активист, а как мой человек. Ты готов?

Александр замер. Внутри полыхнуло подозрение: «Опять система, опять цепи, опять чей-то приказ». Но Савченко смотрел на него без той сладкой лжи, которой его кормили в парткоме. В его взгляде была сталь, но и правда.

— Я готов, — сказал Александр медленно. — Если то, что вы скажете, не противоречит моей совести.

Савченко рассмеялся — низко, хрипло, но без злобы. Он погасил папиросу о пепельницу и наклонился вперёд.

— Власов, слушай меня внимательно. У нас тут в районе — полный бардак. Партийный аппарат Стрижака — это пьянь и казнокрады. Лесники с Перепехиным гребут под себя делянки. Я — старый директор, я держу завод. Но я один. Мне нужен человек, который будет не просто «честным», а будет зубастым. Который сможет создать свой профсоюз — не бумажный, а настоящий. Взять под контроль распределение товаров, талонов, жилья. Ты молодой, горячий, рабочие вчера за тебя встали — это много стоит. Я хочу, чтобы ты возглавил заводской профком. Без дураков, без партийной бюрократии. И ты будешь делать то, что я скажу, но будешь делать это честно по отношению к рабочим. Потому что я люблю этот завод, как своего отца. А ты, я вижу, его тоже полюбишь. Или я ошибаюсь?

Александр молчал. Он смотрел на карту СССР на стене, на красные точки, и вдруг понял: Савченко не врет. Он действительно держит завод как крепость. И этот директор — не Бородин, не вор. Он — хищник, но хищник справедливый. И если он предлагает власть — не задаром, но за дело, то, может быть, это шанс.

— Я согласен, — сказал Александр. — Но я буду ставить своих людей. И я буду контролировать всё — от зарплат до саун.

— Договорились, — Савченко поднялся и протянул ему руку. Рукопожатие было сухим, крепким, как стальная пружина. — Завтра в одиннадцать — собрание профсоюзного актива. Тебя изберут. А сейчас — иди, покажи себя в цехе. Бородин наказан, мастер уволен. Ревизия начнётся через неделю. Ты выиграл первый раунд. Но не расслабляйся, Власов. Теперь за тобой будут следить все — и враги, и друзья. Я — в том числе.

Александр кивнул, встал и направился к двери. Уже взявшись за ручку, он обернулся:

— Виктор Ильич. Почему вы выбрали меня? Я же простой инженер, вчерашний студент.

Савченко уже снова стоял у окна, глядя на трубы. Он ответил, не оборачиваясь:

— Потому что ты не поклонился. Потому что ты — как этот завод: старый, ржавый, но если его закалить — выдержишь любой удар. Иди. Время не ждёт.

Александр вышел из кабинета. В приёмной рыжая секретарша подняла голову и улыбнулась ему — впервые за всё время, и в улыбке этой был не просто этикет, а что-то человеческое.

— Поздравляю, — сказала она шёпотом. — Виктор Ильич редко так разговаривает с новыми. Вы ему понравились.

Александр не ответил. Он спустился по мраморной лестнице, вышел на крыльцо, глубоко вдохнул воздух — тот самый, горький, уральский, смешанный с угольной пылью и туманом. И ему показалось, что дышать стало легче. В груди, на месте страха, прорастало что-то новое: азарт. Настоящий, взрослый азарт игрока, который только что поставил всё на кон и не проиграл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.